

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-4.3>

Бучко Николай Петрович

ФОРМИРОВАНИЕ ПОДПОЛЬНЫХ АНТИСОВЕТСКИХ ВОЕННЫХ ГРУПП НА ВОСТОКЕ РОССИИ В КОНЦЕ 1917 - 1918 Г. КАК ПРОЦЕДУРА ВЫРАЖЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ АНТИБОЛЬШЕВИСТСКИХ СИЛ

В статье рассматриваются вопросы формирования подпольных антисоветских групп в Сибири и на Дальнем Востоке страны в годы Гражданской войны в России. На основе историографического анализа, архивных источников, опубликованных документов и материалов, воспоминаний участников событий проводится анализ процесса формирования подпольных групп, описываются их состав и структура, политическая направленность и целевые установки. В основе создания подпольных антисоветских групп лежали идеи противодействия формировавшейся на местах Советской власти. В составе групп были сторонники идей правой социал-демократии, монархизма, конституционной демократии.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2018/4/3.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 4(90) С. 17-21. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2018/4/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

48. РГИА. Ф. 1287. Оп. 39.
49. Семенова Н. Л. Причины сенаторской ревизии Оренбургской губернии 1842-1843 гг. // Вестник Оренбургского государственного университета. 2011. № 4 (123). С. 46-51.
50. Сичинский Е. П. Субъективные последствия организационно-правовых основ комплектования полицейских команд в дореволюционной России // Вестник Челябинского государственного университета. 2006. № 2. С. 49-54.
51. Сморгун В. В. Штатная команда города Усть-Сысольска в 80-90-е годы XVIII века // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. 2013. Вып. 4 (16). С. 103-109.
52. Соколов И. А. Исторический обзор преобразований саратовской полиции // Саратовский сборник. Саратов: Тип. губернского правления, 1881. Т. 1. С. 66-68.
53. Стогов Э. Записки жандармского штаб-офицера эпохи Николая I. М.: Индрик, 2003. 240 с.
54. Устав благочиния или полицейский: от 8 апреля 1782 г. № 15379 // ПСЗРИ. СПб.: Тип. II Отд. Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Собрание I. Т. XXI. С. 461-488.
55. Учреждения для управления губерний Всероссийской империи. Часть первая: Высочайше утвержденное положение от 7 ноября 1775 г. № 14392 // ПСЗРИ. СПб.: Тип. II Отд. Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Собрание I. Т. XX. С. 229-304.
56. Ушанов А. В. Полицейский надзор за исполнением градостроительного законодательства Российской империи как фактор предупреждения правонарушений // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 5 (11). Ч. 1. С. 215-218.
57. Хохряков В. А. Материалы к истории г. Пензы (из дел архива Пензенской городской думы с 1786 по 1820-е гг.) // Труды Пермской ученой архивной комиссии. 1894. Т. IV. Вып. III. С. 3-76.
58. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 170. Оп. 6.

**STRUCTURE AND FUNCTIONING OF PUBLIC ORDER ENFORCEMENT BODIES
IN TOWNS OF THE MIDDLE VOLGA AND TRANS-VOLGA REGION
(THE END OF THE XVIII – THE MIDDLE OF THE XIX CENTURY)**

Biryukova Anna Borisovna, Ph. D. in History, Associate Professor
Samara State Technical University
annabir@mail.ru

The article analyzes changes in the structure of the law enforcement bodies of the towns of Simbirsk, Saratov, Penza, Samara (from 1851) provinces that occurred during the 1770-1850s. The author aims to examine the structure and mechanisms of interaction of public order enforcement bodies in the towns of the Middle Volga and Trans-Volga region. Over the “long XVIII century” there were attempts to regulate their activity, to separate civil police from military law enforcement bodies. At the same time the peculiarities of historical development of regional towns – “internal outskirts of the Empire” – and social situation in the provinces did not allow the authorities to completely abandon municipal military units represented by Internal Guard, and in some towns – by Cossack divisions. Moreover, public order in the provincial towns was maintained not only by the urban police but also by gendarme squads. Regardless of certain achievements in the arrangement of law enforcement structures in the provinces, the problem of staffing the law enforcement sphere remained relevant during the whole period.

Key words and phrases: provincial towns; urban police; town governor; gendarmes; guard coats; public order enforcement; pre-reform epoch; the Middle Volga and Trans-Volga region.

УДК 93/94+323.4

Дата поступления рукописи: 23.04.2018

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-4.3>

В статье рассматриваются вопросы формирования подпольных антисоветских групп в Сибири и на Дальнем Востоке страны в годы Гражданской войны в России. На основе историографического анализа, архивных источников, опубликованных документов и материалов, воспоминаний участников событий проводится анализ процесса формирования подпольных групп, описываются их состав и структура, политическая направленность и целевые установки. В основе создания подпольных антисоветских групп лежали идеи противодействия формировавшейся на местах Советской власти. В составе групп были сторонники идей правой социал-демократии, монархизма, конституционной демократии.

Ключевые слова и фразы: подпольные антисоветские группы; офицерский состав; антисоветские отряды; боевые группы; эсеры; кадеты; монархисты.

Бучко Николай Петрович, к.и.н., доцент
Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток
buchkob5@mail.ru

**ФОРМИРОВАНИЕ ПОДПОЛЬНЫХ АНТИСОВЕТСКИХ ВОЕННЫХ ГРУПП
НА ВОСТОКЕ РОССИИ В КОНЦЕ 1917 – 1918 Г. КАК ПРОЦЕДУРА
ВЫРАЖЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ АНТИБОЛЬШЕВИСТСКИХ СИЛ**

Октябрьские события 1917 г. коренным образом изменили политическую картину в России. В ней появилась политическая сила, которая заявила о своих властных амбициях, что не нашло в российском обществе единодушной поддержки.

Один из участников Гражданской войны в России на Востоке генерал П. П. Петров, характеризуя отношение военных старой армии к происходящим политическим событиям, отмечал, что офицерский корпус фактически разделился на несколько групп: противников большевизма, которые ни при каких условиях не шли на службу в создаваемую Советской властью армию; принимавших возможность службы в формируемой Красной Армии, но при условии участия в решении только внешних военно-политических задач, стоящих перед страной; третьи принимали службу у большевиков, рассчитывая на то, что это восстановит порядок в России и даст возможность использовать сформированные советские военные структуры «по обстановке»; были и те, которые решали проблемы элементарного выживания для себя и своих близких, что формировало их согласие на службу у большевиков; были и те, кто сознательно шел на службу в Красную Армию, принимая идеологию большевизма [17, с. 81]. При этом большинство из них рассчитывало, что власть большевиков будет недолговременной [Там же, с. 80]. Такое разнообразие жизненных и политических позиций не давало возможность создать политическое единство офицерской командной среды. Сформировавшаяся политическая среда стала основой для складывания во многих регионах России политических групп, негативно относящихся к новой власти.

Социальной базой формируемого антисоветского подполья в восточной части России были, наряду с имевшимися в регионе собственными антисоветскими социальными слоями в лице представителей кооперативного движения, местной промышленной и сельской буржуазии, перемещавшиеся сюда из европейской части страны беженцы, которые хотели уйти от тягот жизни в европейской России, где царили голод, разруха, преступность. Такая миграция населения не могла формировать симпатий к новой власти в среде перемещаемых лиц. В офицерской среде негативное отношение к большевикам подогревалось и картинами расправ рядового состава над офицерством после известного приказа Петроградского Совета. Высшее советское руководство понимало, что сибирский регион с его многочисленными беженцами, антисоветскими силами, находящимися на Востоке, может стать центром антикоммунизма в России. Учитывая сложность складывающегося положения, руководящий орган Советской власти в Сибири и Дальнем Востоке, созданный 6 ноября 1917 г., – Центросибирь – принял решение о запрете перемещения офицеров по железной дороге в Восточную Сибирь [22, с. 127].

В Сибири и на Дальнем Востоке после прихода к власти Советов во главе с большевиками и их союзниками стали формироваться антибольшевистские настроения, которые нашли свое выражение в создании подпольных антибольшевистских групп. Их образование в разных территориальных субъектах носило свой характер. В некоторых регионах создавались подпольные структуры, имевшие четко выраженный политический окрас, ориентированный на партийные силы. Приход в них определялся партийными предпочтениями гражданина.

В других такие группы носили сугубо военный характер, так как в их основе была инициатива военных, настроенных антисоветски, как правило, офицерских кругов. В оценке процедур формирования антибольшевистских подпольных групп на Востоке России в конце 1917 – 1918 г. особое место занимает вопрос о мотивах прихода в стан подпольщиков бывших военных царской армии. В ряде оценок таких мотивов отмечается наличие личного самовыражения [14, с. 29]. Такой мотиватор действий военных не вполне объективен. Многие из них и до вхождения в подпольные структуры позиционировали себя сторонниками четких политических ориентиров, а значит, не нуждались в какой-то самопрезентации. Особенно это видно на примере тех, кто в дальнейшем занял ведущие командные должности в иерархии руководства военных сил, например В. О. Каппель и А. Н. Гришин-Алмазов, которые были сторонниками монархии.

Нельзя отрицать и тот факт, что в некоторых случаях определенным мотивом прихода в подполье человека был запрос на элементарные условия выживания, когда необходимо прислониться к какому-либо противоборствующему лагерю [11, с. 199]. Говоря о причинах прихода офицерства в подпольные группы, историк Ю. А. Поляков выделил фактор боязни офицеров бывшей царской армии за свою жизнь, где в их оценочных действиях были картины расправ над офицерами революционной толпой [19, с. 285].

Историк русского зарубежья С. П. Мельгунов считал, что многие антибольшевистские офицерские группы формировались инициативно, а привязка их к каким-то партийным структурам обуславливалась намерением закрепить свой статус вокруг определенного политического центра [13, с. 173-174].

Советский революционер, публицист В. Д. Вегман считал, что определенным толчком для активизации антисоветского подполья на Востоке была деятельность антисоветских структур «Союз защиты родины», «Национальный центр», других столичных контрреволюционных организаций, которые направляли в регион своих представителей для организации подполья [1, с. 137].

На первом этапе формирования антибольшевистских сил эсеры выступали во главе политического подполья. Одной из первых подпольных офицерских групп, имевшей проэсеровскую политическую направленность, была созданная в Самаре в конце 1917 г. организация. В марте 1918 г. она объединилась в единую структуру с созданной ранее эсеровской боевой дружиной [10, с. 56-57].

В Новониколаевске подпольную группу сформировал А. Н. Гришин-Алмазов. В ней удалось сплотить бывших офицеров царской армии. Трудность создания группы была в том, что для ее участников организаторам было сложно подобрать единый политический объединяющий лозунг. Подпольщики создали антибольшевистскую структуру, сориентированную на эсеровские силы региона [9, с. 111].

Наряду с проэсеровскими настроенными подпольными группами в целом ряде городов создавались офицерские структуры, имевшие промонархическую направленность. Некоторые участники тех событий отмечали, что подпольные офицерские боевые группы включали тех, кто хотел возвращения, прежде всего, старого воинского порядка, пусть даже через возвращение монархического политического режима [3, с. 234].

В ряде местностей уровень антибольшевистских настроений был настолько высок, что на одной территории действовало несколько подпольных формирований с различной политической направленностью. Наглядным примером в этом отношении является Омск. В городе функционировала прокадетская подпольная группа. Многие ее участники были лояльны царскому правлению в России. Однако прямое выражение такой позиции на тот момент было невозможно в силу сложившейся внутривнутриполитической конъюнктуры. Своей главной задачей группа видела борьбу с большевизмом. Наряду с ней в городе действовали подпольные проэсеровские отряды и казачьи формирования [26, с. 294]. В Омске функционировала и промонархическая антибольшевистская подпольная военная организация. В ее составе было около 2-х тыс. человек. Во главе группы полковник П. П. Иванов-Ринов, ставший впоследствии одним из военных руководителей белых сил в регионе [24, с. 65].

В регионе действовал подпольный партизанский отряд под командованием Б. В. Анненкова, который единственным своим политическим лозунгом объявлял непризнание Советской власти [7, с. 54].

В ряде случаев в состав подпольных групп входили представители офицерства, которые придерживались различных политических позиций. Так, в Томске подпольной военной организацией руководил сторонник монархии полковник Н. Н. Сумароков. Штаб организации возглавлял подполковник А. Н. Пепеляев, который придерживался эсеровских позиций. Впоследствии Пепеляев стал одним из военных руководителей белых сил на Востоке России [5, д. 365, л. 272]. Сама томская подпольная группа действовала при поддержке эсеровской партии [6].

Во Владивостоке созданная под руководством полковника С. С. Толстого боевая организация включала 400-500 человек из числа офицеров и учащейся молодежи. Многие участники группы были настроены лояльно к политическим кругам, ориентированным на земство. После переворота 29 июня организация стала основой создания войск Приморской областной земской управы [3, с. 239].

В Иркутске аналогичная группа действовала под руководством эсера Н. С. Калашникова. Наличие в ней большого количества офицеров, не разделявших политических взглядов руководителя организации, способствовало выдвижению на это место полковника А. В. Эллерц-Усова [24, с. 65]. В Челябинске такую же группу возглавил подполковник С. Н. Войцеховский, ставший впоследствии одним из высших военных руководителей Белой армии [2, с. 75]. После свержения в июне 1918 г. в столице Приморья Советской власти чехословаками их поддержала созданная при поддержке Д. Л. Хорвата и А. В. Колчака подпольная офицерская группа во главе с В. А. Волковым [12, с. 91].

Подпольная офицерская группа была создана и в столице Приамурья. Но ее деятельность в Благовещенске была раскрыта органами Советской власти в феврале 1918 г. [15, с. 38].

Подпольные группы создавались и в периферийных городах. Полковник И. С. Смолин в начале 1918 г. возглавил подпольную офицерскую организацию в г. Туринске Тобольской губернии, имевшую четкую антибольшевистскую направленность. Впоследствии он служил под началом Иванова-Ринова во главе партизанского отряда, в войсках генерала Вержбицкого, где командовал корпусом, а на заключительном этапе Белого движения в Приморье был во главе 2-го корпуса белоповстанческой армии и возглавлял гарнизон Никольск-Уссурийска, был командиром Сибирской Рати в составе Земской Рати генерала Дитерихса [25, с. 68].

Наряду с подпольными группами в качестве военной силы на местах функционировали партизанские отряды. Под Красноярском действовал отряд, созданный в феврале 1918 г. штабс-ротмистром Э. Г. Фрейбергом. В его составе были студенческая молодежь, воспитанники Омского кадетского корпуса. Действуя против Советской власти, отряд получал поддержку населения [20, с. 25]. Там же эсерами был образован Военный Совет во главе с есаулом А. А. Сотниковым, который сформировал отряд для борьбы с большевиками, основу которого составляли енисейские казаки [4, д. 410, л. 5].

В Западной Сибири действовали и другие самостоятельные, небольшие по численности антисоветские отряды. В Омске провел разовую демонстративную акцию по спасению знамени Ермака отряд сотника Матвеева. На станции Павлодарской в Прииртышье формировался отряд под командованием полковника Волкова [7, с. 54-55].

В оценках численного состава сформированных к весне 1918 г. подпольных антибольшевистских групп сегодня нет единого подхода. После Гражданской войны в оценках потенциала подпольных групп Западной Сибири (гг. Семипалатинск, Омск, Томск, Новониколаевск, Барнаул, Бийск, Красноярск и ст. Тайга) отмечалось наличие около 7 тыс. человек [16, с. 7]. В более поздних советских исследованиях отмечалось, что подпольные белогвардейские группы в Сибири насчитывали около 13 тыс. человек [18, с. 85].

Советские историки в послевоенный период довольно критично оценивали возможности антисоветского подполья в Сибири и на Дальнем Востоке. По их мнению, свою энергичность группы контрреволюционеров, независимо от идеологической направленности и кадрового состава, показали после выступления чехословаков. В общей оценке антибольшевистских сил исследователи склонялись к терминологии: слабые, не самостоятельные, надеявшиеся на иностранную военную поддержку [21, с. 9].

Наличие определенной социальной базы, формируемой из числа перемещавшихся сюда из европейской России беженцев, не испытывавших симпатии к Советской власти, способствовало формированию политической основы для формирования антисоветских сил. Правда, при этом формируемые подпольные группы, по мнению самих же участников антисоветского подполья, не могли рассчитывать и на поддержку широких народных масс [17, с. 83]. И это несмотря на то, что всемерную поддержку им оказывали сибирские и дальневосточные кооператоры [8, с. 52].

Интересен структурный состав подпольных групп. Представление о нем можно получить из материалов фондов Российского государственного исторического архива Дальнего Востока. В фондах архива

представлен «Доклад политического комиссара организатора И. А. Зубарева-Давыдова Деловому кабинету Правительства генерала Хорвата о работах по организации свержения Советской власти в Семипалатинской области» [23, д. 49, л. 18-29]. В докладе отмечалось, что в составе группы был штаб, мобилизационный отдел, контрразведка [Там же, л. 24]. В группе создавались ячейки по восемь бойцов, при общей численности около 200 человек. В ее составе были офицеры, фронтовики, солдаты, добровольцы из гражданской и учащейся молодежи [Там же, л. 25]. Интересно отметить, что создание ячеек по восемь человек отмечалось только в семипалатинской группе. В других подпольных структурах ячейки подпольщиков формировались по пять человек [1, с. 136].

Сформированный потенциал антисоветского подполья требовал своей реализации в практических делах. Уже в первой половине мая в большинстве подпольных структур произошло реформирование командного состава, когда во главе формирований встали бывшие кадровые военные взамен представителей партийных структур [Там же, с. 140]. Все это в последующем стало основой для активного участия подпольщиков в свержении Советской власти за Уралом.

Подпольные антисоветские группы, создававшиеся на Востоке России после октябрьских событий 1917 г., включали в свой состав представителей различных социальных и политических слоев населения. В конечном итоге их объединяло лишь одно обстоятельство – неприятие новой политической силы, которая устанавливала свою власть в России. После событий весны и лета 1918 г., когда благодаря действиям чехословаков Советская власть пала, многие участники подпольных групп влились в состав армейских структур белых сил, а их руководители стали во главе воинских формирований. Оставалось решить одну проблему: как примерить в единой структуре представителей различных политических течений. Но это не удалось решить руководителям антибольшевистских сил.

Список источников

1. Вегман В. Сибирские контрреволюционные организации 1918 г. // Сибирские огни. 1928. № 1. С. 135-141.
2. Гармиза В. В. Крушение эсеровских правительств. М.: Мысль, 1970. 294 с.
3. Генерал-лейтенант Д. Л. Хорват и политика держав на Дальнем Востоке России в 1918 году // Подготовка и начало интервенции на Дальнем Востоке (октябрь 1917 – октябрь 1918 гг.): документы и материалы. Владивосток, 1997. С. 230-243.
4. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-5881. Оп. 1.
5. Государственный архив Хабаровского края. Ф. П-44. Оп. 1.
6. Дальневосточный путь. 1924. 18 января.
7. Денисов С. В. Белая Россия. Альбом № 1 (1937). Нью Йорк: Главное правление зарубежного союза русских военных инвалидов, 1937. 128 с.
8. Дневник Петра Васильевича Вологодского // За спиной Колчака: документы и материалы / под ред. А. В. Квакина. М.: Аграф, 2005. С. 47-302.
9. Журнал № 21 совещаний русской делегации в Яссах // Красный архив. 1926. № 5 (18). С. 110-118.
10. Кузьмин В. Л. Правосоциалистические правительства в Поволжье, Сибири и на Дальнем Востоке в 1918 г: общее и особенное // Из истории Гражданской войны на Дальнем Востоке (1918-1922 гг.): сборник научных статей. Хабаровск: Краевой краеведческий музей им. Н. И. Гродекова, 2004. Вып. 4. С. 53-71.
11. Левинсон А. Поездка из Петербурга в Сибирь в январе 1920 г. // Архив русской революции, изданный И. В. Гессеном. Берлин: Слово, 1921. Т. III. С. 191-208.
12. Левкин Г. Г., Савченко С. Н. Создание белогвардейских вооруженных формирований на Дальнем Востоке (ноябрь 1917 – сентябрь 1918 гг.) // Гродековские чтения: тезисы научно-практической конференции (г. Хабаровск, 19-20 декабря 1996 г.) / Хабаровский краевой краеведческий музей. Хабаровск, 1996. Ч. I. С. 87-94.
13. Мельгунов С. П. Трагедия адмирала Колчака: в 2-х кн. М.: Айрис-пресс, 2004. Кн. 1. Ч. I, II. 576 с.
14. Морозова О. М. Кадровый состав и внутриармейские отношения в вооруженных формированиях в годы Гражданской войны // Вопросы истории. 2008. № 7. С. 26-38.
15. Никифоров П. М. Записки премьера ДВР. Победа ленинской политики в борьбе с интервенцией на Дальнем Востоке (1917-1922 гг.). Изд-е 2-е, перераб. М.: Политиздат, 1974. 191 с.
16. Памятная дата // Вольная Сибирь (Прага). 1928. № 3. С. 3-8.
17. Петров П. П. От Волги до Тихого океана в рядах белых. Воспоминания, документы. М.: Айрис-пресс, 2011. 544 с.
18. Познанский В. С. Очерки истории вооруженной борьбы Советов Сибири с контрреволюцией в 1917-1918 гг. Новосибирск: Наука, 1973. 307 с.
19. Поляков Ю. А. Поиски новых подходов в изучении истории Гражданской войны в России // Россия в XX веке: историки мира спорят. М.: Наука, 1994. С. 280-288.
20. Поручик Тимофеев. История Ачинского конно-партизанского отряда // Часовой. 1931. № 56.
21. Последние дни колчаковщины: сборник документов Централрхива. М. – Л.: ГИЗ, 1926. 332 с.
22. Протокол заседания Центросибири от 28 марта 1918 г. // Подвиг Центросибири: сборник документов. Иркутск, 1986. С. 122-129.
23. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока. Ф. Р-720. Оп. 2.
24. Светачев М. И. Империалистическая интервенция в Сибири и на Дальнем Востоке (1918-1922 гг.). Новосибирск: Наука, 1983. 336 с.
25. Филимонов Б. Б. Белоповстанцы: Хабаровский поход зимы 1921-22 гг.: в 2-х кн. Шанхай: Изд. автора; Тип. изд-ва «Слово», 1932. Кн. I. 161 с.
26. Флуг В. Е. Отчет о командировке из Добровольческой армии в Сибирь в 1918 году // Архив Русской революции, издаваемый И. В. Гессеном. Берлин: Слово, 1923. Т. IX. С. 243-304.

**FORMATION OF ANTI-SOVIET ARMED UNDERGROUND GROUPS
IN THE EAST OF RUSSIA AT THE END OF 1917 – 1918 AS A PROCEDURE
TO EXPRESS POLITICAL IDENTITY OF ANTI-BOLSHEVIST FORCES**

Buchko Nikolai Petrovich, Ph. D. in History, Associate Professor
Far Eastern Federal University, Vladivostok
buchko65@mail.ru

The article considers the problems of forming anti-Soviet armed underground groups in Siberia and the Far East in the years of the civil war in Russia. Applying the historiographical analysis of archival sources, published documents and event participants' memories the author examines the process of forming underground groups, describes their staff and structure, political orientation and purposes. Anti-Soviet underground groups were guided by the idea of opposition to Soviet power that formed in provinces. The groups included the supporters of the doctrines of right-wing social democracy, monarchism, constitutional democracy.

Key words and phrases: anti-Soviet underground groups; officers' staff; anti-Soviet squads; fighting groups; socialist revolutionaries; constitutional democrats; monarchists.

УДК 94(73)“1775/1789”

Дата поступления рукописи: 25.03.2018

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-4.4>

В статье рассматривается внешнеполитическая проблематика во время ратификации Конституции 1787 г. в Массачусетсе. Изучение этого процесса позволило выявить его уникальность в штате, раскрыть корреляцию локального и общегосударственного уровней в генезисе внешней политики США. В результате исследования было установлено специфическое сочетание факторов, обусловивших состояние внешнеполитической проблематики в ходе ратификации в штате, и влияние этого процесса на дальнейшее принятие Конституции в США весной – летом 1788 г.

Ключевые слова и фразы: генезис внешней политики США; Конституция 1787 г.; ратификационный процесс; внешнеполитический механизм; штат Массачусетс.

Дорофеев Денис Владимирович, к. полит. н., доцент
Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь
dorof-denis@yandex.ru

**ГЕНЕЗИС ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ США:
РАТИФИКАЦИЯ КОНСТИТУЦИИ 1787 Г. В ШТАТЕ МАССАЧУСЕТС**

Исследование влияния штатов на становление внешней политики в ранний период истории США остается одной из актуальных тем в академическом сообществе по причине ее малоизученности. Так как ратификация Конституции 1787 г. выступает интегративным и многоаспектным процессом, то она благодаря фактическому материалу создает благоприятные условия для анализа влияния штатов на генезис внешней политики Соединенных Штатов.

В этом контексте изучение ратификационного процесса в Массачусетсе дает возможность проанализировать взаимосвязь локального и общегосударственного уровней в становлении внешней политики США. Поскольку принятие основного закона было результатом уникальной комбинации факторов, то их изучение позволяет выделить специфические аспекты этого процесса в Массачусетсе и определить их взаимосвязь с внешнеполитической проблематикой, ставшей ключевой темой в ходе утверждения Конституции.

В отличие от первых ратификационных конвентов в Делавэре, Джорджии, Коннектикуте, Нью-Джерси и Пенсильвании [1-6], вопрос о принятии Конституции в Массачусетсе стал настоящим тестом на прочность для ее сторонников и противников [20, p. 529]. Он был первым штатом, где ратификация могла встретить серьезный отпор, имевший катастрофические последствия: если бы утверждение основного закона провалилось в нем, то отсутствие успеха следовало ожидать весной в Мериленде и Южной Каролине, а летом – в Нью-Йорке, Нью-Хэмпшире и Виргинии [16, p. 97]. При этом в случае с Массачусетсом сложно применить классические термины «антифедералист» или «федералист» для идентификации политических взглядов. В частности, термин «антифедералист» не получил широкое применение в штате, под его лозунгом не возникло политическое движение [35, p. 190-201].

С колониального периода социально-политическое развитие штата протекало в контексте поляризации между г. Бостоном и прибрежными восточными округами с одной стороны и западными и центральными округами – с другой. Внутреннее деление усиливалось социально-экономической диспропорцией: в восточных округах сосредотачивались ведущие экономические центры – крупные города, вовлеченные в морскую торговлю, в них население имело высокий уровень образования; в западных и центральных округах были преимущественно небольшие населенные пункты, где проживало сельское малообразованное фермерское население, слабо интегрированное в морскую торговлю [20, p. 532; 26, p. 155; 37, p. 3].